

Марина Важова

ЖАННА ЛИЛОНГА

Под знаком огненного дракона
Книга 1

Марина Важова

**Жанна Лилонга. Под знаком
огненного дракона. Книга 1**

«Издательские решения»

Важова М.

Жанна Лилонга. Под знаком огненного дракона. Книга 1 /
М. Важова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513541-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Жанна Лилонга» — 1 т. детектива «Под знаком
огненного дракона». Молодой Гриня, мечтающий о женщинах и деньгах,
знакомится с врачом-психиатром, который его мечты осуществляет. Гриня
влюбляется в Жанну Лилонга, китайку-полукровку. И тут же вокруг него
начинают происходить странные события. Попытка в них разобраться
наводит на мысль, что он втянут в череду преступлений. Следователь Курняк
подозревает, что фигуранты связаны между собой. Если не сейчас, то в
прошлом. 2 т. — «Перстень Мазепы».

ISBN 978-5-00-513541-4

© Важова М.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. МИР ЖЕНЩИН	6
Полоса неудач	6
Доктор Карелин	10
Молодой друг	12
Ленка-Ленон	14
Часть 2. ЖАННА	16
Желтоклювая птичка	16
Золотая невеста	19
Голос	23
Новая встреча	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жанна Лилонга

Под знаком огненного дракона. Книга 1

Марина Вазова

*О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылёк!*

Басё

Дизайнер обложки Yury Antonov

Редактор Маргарита Сарнова

Корректор Антонина Егорова

© Марина Вазова, 2021

© Yury Antonov, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0051-3541-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-3542-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. МИР ЖЕНЩИН

Полоса неудач

Из подъезда панельного дома на Смоленской набережной выбежал невысокий молодой человек, по виду которого можно было догадаться, что он опаздывает на какую-то важную встречу. Разлетающиеся чёрные брови сведены от напряжения, взгляд устремлён вперёд, а безошибочность выбора поворотов: под арку, затем налево и вдоль набережной, к метро «Приморская», – убеждала внимательного прохожего, что парень местный.

Но никаких прохожих на тот момент поблизости не было, так что наблюдать за Гриней – так звали молодого человека – было некому. На самом деле он никуда не спешил, его просто вынесло на крыльях скандала в осеннюю морось серого Питерского денька, и он ещё сам не знал, куда направит стопы. По большому счёту, ему некуда было податься. К отцу в мастерскую? Нет, тот не любит, чтобы без предупреждения, да скорее всего, красит, и телефон отключён.

Скандалы с матерью стали обычным делом, но последнее время к ним добавилась череда мелких и крупных неприятностей, так что выдержки уже не хватало, и Гриня срывался. Вот так, как сейчас – убежал из дома и мотался по городу или отсиживался в подвальчике у азербайджанцев, если хватало денег на кофе.

Неприятности преследовали Гриню с начала года. Взять хотя бы затянувшийся развод матери с Витусом, за время которого неприязнь к отчиму, давняя и взаимная, переросла в открытую вражду, измотавшую обоих. Или неприкрытое преследование учителями в школе, с одной лишь целью: после девятого класса непременно от него избавиться.

Но была ещё одна проблема, пожалуй, самая главная, о которой Гриня думал не переставая и решения не находил. Деньги, будь они неладны! Вернее, их отсутствие. Без денег жизнь останавливалась. Хорошо, что мать пока не попрекала едой и одеждой, что ему было, где преклонить голову – то есть «хлеб» поступал, а вот «зрелищ» явно не хватало. Иногда ему просто некуда было податься. Дома скандалы, в школе – запущенные предметы и общение с себе подобными, то есть с такими же кандидатами на вылет.

Оставалась улица. Но это так, фигурально – улица. На самом деле было несколько вполне уютных и доступных местечек, где порой удавалось неплохо провести время. Но везде без исключения требовались деньги, которых не было. Так что Гриню швыряло по разным неформальным тусовкам.

Только одна вещь ещё могла достаться даром – это чтение книг. Библиотеки – приличные, годами собираемые – имелись как у отца, так и дома, и Гриня, читающий запоями, был забит под завязку разного рода знаниями. Они перебрадили, выстоялись и сами собой разнеслись по многочисленным ячейкам памяти. Это уже был не просто багаж знаний, а боевой арсенал. Личное войско, которое всегда стояло наготове. Только куда двинуть это войско?

Одно время в поисках смысла жизни он прибил к кришнаитам. Обзавёлся чётками из рудракши¹, оранжевым дхоти², которое носил поверх обычных джинсов, обрил голову, оставив на макушке косичку. Его можно было встретить в живописной группе, которая под ритмичный стук барабана, с пением «Харе Кришна»³, проходила по улицам, появлялась в метро.

¹ рудракши – вечнозелёное дерево, для чёток используют его бугристые плоды.

² дхоти – искусно задрпированная, набедренная одежда индийских мужчин

³ Харе Кришна – индуистская мантра на санскрите, состоит из 16 слов, которые являются именами Бога: Харе, Кришна и Рама.

С отсутствующим взглядом, перебирая чётки, Гриня двигался сомнамбулой и ничего вокруг не замечал.

Потом наступила зима, кришнаиты разбрелись по комнатухам благотворительных фондов и подвизались кормить малоимущих жителей северной столицы дешёвыми блюдами из риса и овощей. Гриня с невозмутимым видом накладывал желающим порции горячей прямой еды то на углу 11-й линии и Большого проспекта, то у Дома кино, а иногда и вовсе где-нибудь на Ржевке, среди однотипных коробок панельных домов.

Но потом и в этом разочаровался и, не найдя ничего другого, словно впал в спячку, грезил наяву, воображая совсем другую, ослепительно прекрасную реальность, где ему, главному герою, было всё доступно. Страстные одалиски дарили ему свои ласки, гардероб полнился шикарными костюмами от модных кутюрье, шампанское (которого он терпеть не мог, но тем не менее...) лилось рекой, со всех зеркал ему улыбался неотразимый красавец, с которым у него было так много общего...

Впрочем, внешность у Грини была на уровне. Как-то в одночасье из худого, шмыгающего носом пацана он превратился в стройного и весьма симпатичного юношу: зелёные отцовские глаза с густыми, длинными ресницами, широкий разворот плеч и вдобавок лёгкая походка, пластичность и непередаваемая точность жеста, доставшиеся от матери, Василисы. Только он своей привлекательности не осознавал, полагая, что никому не интересен.

Если бы среди ночи его внезапно разбудили и спросили: какая твоя заветная мечта? – спросонья бы выпалил: деньги и женщины! Причём именно в такой последовательности. Всё стоящее – а женщины, безусловно, в этом списке были на первом месте – требовало затрат и немалых. Особенно женщины из его полуденных снов.

Гриня не мыслил себя среди дворовых пацанов с пивком и сигаретками в окружении отвязных девок. Дешёвки были ему противны, как и сама продажная любовь. Хотя и эти убогие забавы требовали расходов. Впрочем, любовь в её литературно-романтическом контексте его тоже не привлекала. Он вовсе не стремился отдать своё сердце кому бы то ни было. Перспектива душевных восторгов и страданий была не для него – это ведь означало бы впасть в зависимость, причём с непредсказуемым результатом. А он дорожил свободой и хотел гарантий.

Ему больше нравилось понятие «заниматься любовью», и хотя это выражение было всего лишь англоязычной калькой и, как и всё поверхностно заимствованное, не соответствовало по смыслу западному оригиналу, тем не менее, основную черту от него переняло. Занятие любовью – это процесс, целью которого является сексуальное удовлетворение партнёров. Он так к этому и относился, тем более что это самое удовлетворение в последний год стало его насущной физической потребностью – и к чёрту вздохи, записочки и прочая конфетная мура!

Отец пытался говорить с ним о сублимации, о снятии напряжения с направлением энергии на благие дела: спорт, творчество. Но Гриня не видел в этом смысла. Зачем расходовать энергию на какие-то посторонние цели, когда она может доставить столько удовольствий при использовании по назначению?

Пока он грезил наяву, в его семье произошли существенные перемены. Витольд Чичмарёв – теперь уже некому было называть его Витусом – отсудив у Василисы дочку, убрался в свою маленькую квартирку где-то в районе Металлостроя. Как и почему Нинуля осталась с отчимом, Гриня не интересовался, испытывая ко всему, что происходило в доме, привычное равнодушие. Главное – прекратились скандалы, отчим теперь далеко и не сможет изводить его мелкими придирками.

Хотя Металлострой находился в черте города, Витольду Захаровичу казалось, что он очутился в провинции, и пейзаж вокруг чем-то напоминал пригород родного Харькова. Из окон были видны и Нева, и Ижора, и облезлая, но действующая церковь. Правда, до ближайшего метро приходилось долго и нудно добираться на маршрутке, но и это вскоре отпало, поскольку прежнюю работу пришлось бросить – в НИИ уже полгода не платили зарплату. Так что переезд

подтолкнул, сам бы он ни за что не решился оставить лабораторию, свои наработки, которые вот-вот должны были пройти последние испытания, но уже третий год пылились в забвении.

– Значит, так суждено, – думал Витольд Захарович, с сожалением и отрадой наблюдая за плавным течением совсем другой, свободной от гранитных оков Невы, за густой, почти деревенской зеленью, за патриархальными рыбаками на деревянных самодельных лодках. Вернее, не сожалел, а удивлялся, как и почему он так бездарно и глупо прожил эти двенадцать лет. Так вот же, для Нулечки, – прозревал и успокаивался он, находя повод обнять и приласкать дочку, заглянуть в глаза – материны, цвета перспелой вишни – поерошить «чичмарёвскую» проволочную гриву.

Зимой нанимался сторожить дачи, а с весны устраивался сезонным рабочим в ближайшее тепличное хозяйство, так что вкупе с алиментами, которые шли от бывшей жены, денег на жизнь хватало. В Питер они с Нулей выбирались редко, зато Гриня через какое-то время стал к ним частенько наведываться – сестрёнку навещал.

Отчим поначалу на него косился и был в общении сух, но потом, увидев, как Нинуля радуется визитам брата, как скромно и воспитанно держится пасынок, постепенно привык, оттаял и даже начал отпускать с ним дочку в «город» на культурные мероприятия. Ниночке шёл уже двенадцатый год, а она ни разу не была ни в Мариинке, ни в Русском музее.

Обычно Гриня заявлялся в пятницу вечером, ночевал на раскладушке в тесной кухоньке, а на всю субботу они с сестрой уезжали в цивилизацию: сначала ненадолго к маме: подкорчиться и выслушать наставления, потом – на просторы каменных джунглей. Иногда удавалось достать билеты в театр или ближайший ДК, а могли весь день тыкаться бессмысленно и тупо, либо угодить на «квартирник» с обкуреными музыкантами. В таких случаях Гриня строго-настрого наказывал сестре держать язык за зубами, иначе – всё, хана, будет дома сидеть да на лодочную станцию глядеть из окна.

В воскресенье с утра Гриня вёз Нину обратно в Металлострой на электричке и по дороге читал ей что-нибудь из книг, которые в данный момент были его идейными руководителями. Потому что никаких других руководителей он не признавал. Потом всё-таки один появился – Валентин Альбертович. И вот тут его жизнь проделала первый кульбит, изменив траекторию движения, как река меняет своё русло после сильного паводка.

Долгое время Гриню не интересовало, каким таким макарон удалось отчиму отсудить при разводе дочку. Это уже после знакомства с Валентином он стал приглядываться к матери, задумываться, сопоставлять. Василиса Батищева – для своих Лиса – была социологом, защитила кандидатскую диссертацию и последние годы преподавала в недавно учреждённом Европейском университете. А попутно читала лекции, даже за границей, а именно в Финляндии.

Она сумела ухватить за хвост чрезвычайно острую и востребованную тему женской эмансипации, которая в её изложении подавалась под различными соусами: ведущая роль женщины в семейной жизни, преобладание женского начала в развитии культуры, участие передовых женщин в политике. Имея возможность провести за счёт университета социологические исследования – опросы, обработку данных, экспертизу, – Лиса не тратилась на подготовку своих вполне коммерческих проектов. Статус доцента Европейского университета, располагающая и привлекательная внешность, знание двух иностранных языков открывали Василисе многие возможности.

Но было одно досадное обстоятельство: за долгий период баталий на семейном фронте нервы у Лисы совсем сдали. Посреди лекции она могла зарыдать и убежать, причём безвозвратно, оставив слушателей в стеснительном недоумении. А то вдруг пускалась в колкие споры с оппонентами, тогда как сценарий телевизионного шоу был однозначен и не допускал подобных эксцессов.

Правда, некоторые злые языки уверяли, что семейные распри тут ни при чём, всё дело в стремлении Василисы Егоровны Батищевой всегда и везде быть правой, не принимая ника-

кой критики в свой адрес. И ещё – в непреодолимой потребности стоять выше всех. Как язвительно говорил Гринин отец, Сандро, – из любого пня создавать себе пьедестал. А это ведь мало кому нравится, и всегда найдётся кучка «доброжелателей», которые, искренне переживая и болея за судьбу такой способной, но несдержанной... за репутацию родного университета, тем более, за рубежом...

Всё это сыграло свою роль, и однажды её вызвал проректор по науке – самый близкий и уважаемый Василисой человек – и в мягкой, но категоричной форме предложил серьёзно заняться здоровьем. Может быть, Василиса бы и взбрыкнула, но это совпало с прекращением – в одностороннем порядке и с выплатой неустойки! – годового тура лекций в Финляндии. Как она догадалась, хотя в документе об этом не было ни слова, после очередного досадного срыва.

И Лиса сдалась. С рекомендациями и по звонку самого проректора, в лучшую клинику и даже в только что отремонтированную отдельную палату – она легла на недельное обследование, а проторчала там целый месяц. Обнаружился сложный по симптоматике невроз, но что самое ужасное – ярко выраженная биполярная шизофрения⁴, давняя и неизлечимая.

Странное дело – только месяц назад она добровольно и без всякой боязни пришла к своим людям немного подлечить нервы, как – вот тебе на! – ей ставят диагноз, несовместимый с её профессией, работой, со всей её жизнью. Болезнь, несовместимая с жизнью, это ведь смерть, не так ли? И Лиса стала умирать. Хотя она продолжала свои научные труды, которые публиковались и приносили ей некоторый доход и причастность к прежнему клану, хотя и устроилась читать лекции в наплодившихся коммерческих вузах, но это уже была не жизнь. Нет, не жизнь...

Вот почему Витольду не стоило никаких усилий мотивировать развод и забрать Нулечку. Ведь мать могла быть для неё опасна!

⁴ биполярная шизофрения – характеризуется эпизодами «мании» с симптомами то эйфории, грандиозности, то раздражительности, подозрительности.

Доктор Карелин

Квартира, которую Сандро оставил Василисе, была особенной, как и весь дом, сделанный по специальному проекту Союза художников. Главным её отличием было занимающее почти всю стену большое окно, через которое можно было наблюдать изумительные закаты над Финским заливом, а в ясные дни – игрушечные купола Морского собора в Кронштадте. Ценным приложением к комнате-мастерской был небольшой, с квадратным окошком аппендикс, в который могла поместиться узкая кровать. Навесили дверь, и получилась «детская», где поначалу спал Гринечка, а потом Нуля.

После отъезда Витуса и дочки Василиса перешла туда ночевать, а кабинет свой устроила на кухне, водрузив на обеденный стол сначала пишущую машинку, а впоследствии компьютер. Лису тяготила и даже пугала комната-студия с окном во всю стену. Ей казалось, что ещё чуть-чуть – и она по неосторожности оступится, потеряет равновесие и непременно выпадет из окна напрямиком на пики обрезанных клёнов. Так что студия оказалась в полном распоряжении Грини, но ни художественных, ни каких других открытий ему не принесла. Она стала его лежищем с наваленной на стулья одеждой, годами не мытыми окнами, пылью и мусором по всем углам.

Диагноз, поставленный Василисе, не был для Грини таким уж открытием, а с уходом отчима стало понятно, от кого в доме шла постоянная, нервная вибрация. Теперь, находясь с матерью бок о бок, он искренне недоумевал, как Витус мог жить с ней почти двенадцать лет. Он даже пожалел его и задним числом зауважал, навещая их с Нулей в новом жилище.

Впрочем, Грине не было до матери никакого дела – хватало своих забот. Крупные и мелкие проблемы сплелись в здоровенный клубок, который с тупым постоянством катился ему навстречу, норовя придавить в любую минуту. Захлопнув за спиной дверь ненавистой школы, заранее отвернувшись от гнилого омуты профтехобразования, отбросив копеечные заработки по линии молодёжной биржи, Гриня оказался совершенно беспомощным: у него не было ни перспектив, ни верных друзей. И хотя тело как-то существовало: плохонько, без радостей, но жило себе потихоньку, а вот мозг и душа буквально подыхали. Они жаждали интересных событий и острых впечатлений, красивых решений и возбуждающего знакомства с женщинами.

Как ему не хватало женщин! Не болтливых и глупых одноклассниц, с которыми у него никогда ничего толком не получалось. И не сереньких боязливых студенточек, приходящих к матери на пересдачу. Он желал, просто жаждал настоящих женщин: красивых, страстных и великодушных. Самых лучших. Он часто встречал таких, но они были из другого мира, кому-то уже принадлежали, садились в роскошные тачки, спешили по своим делам. И ничуть им не интересовались.

Да и что он мог предложить? Чем вызвать к себе интерес? Хотя он выглядел старше своих семнадцати лет, отсутствие опыта было написано у него на лбу. Гриня же на сей счёт заблуждался и полагал, что вся проблема в его полунищем прикиде. Поэтому день и ночь мозг сверлила одна мысль: где достать – и постоянно доставать – нормальные деньги. Реши он этот вопрос, и всё остальное наладится само собой. Так ему казалось.

И тут в его жизни появился Валентин Альбертович Карелин, врач-психиатр. Вернее, сначала он появился в жизни его матери, и долгое время Гриня то и дело слышал от неё: Валентин Альбертович считает... надо срочно к Валентину Альбертовичу... И вдруг – Валентин зайдёт к нам, уберёт в комнате...

Визит доктора заставил Гриню совершить некоторые самые необходимые действия, а именно: вынести груды пакетов с мусором, кое-как подмести пол и вымыть несколько чашек и ложек. Остальная грязная посуда была отправлена на отмокание в ванну. Возможно, он бы проигнорировал просьбу матери, смывшись «по-английски», но в этот раз прозвучала фраза,

которая заинтересовала Гриню, подвигнув его остаться и познакомиться, наконец, с доктором лично. Мать рассеянно сообщила, что Валентин Альбертович нашёл для неё надёжный способ получения денежного пособия от одного лояльного к нему, Валентину, международного фонда поддержки учёных. И что он хотел бы обсудить этот вопрос, так сказать, в кругу семьи.

Доктор Карелин был практикующим психотерапевтом, к которому Василиса прибилась по рекомендации всё того же проректора по науке в теперь уже бывшем её университете. Потому что находиться на учёте в психдиспансере и одновременно преподавать студентам было невозможно. А сняться с учёта, да с таким диагнозом – невозможно вдвойне. Тут требовался специалист, который бы мог вывести пациента из-под опеки государственной системы, продолжая лечение частным образом. Доктор Карелин был таким специалистом.

Молодой друг

Поначалу Валентин Альбертович Грине не понравился. Очень маленького роста, чуть ли не карлик, с плотной коротконогой фигурой. Пока он, не покушаясь на высоко прибитую вешалку, снимал и пристраивал на стуле в прихожей своё мальчишье пальто, Гриня хмуро разглядывал несолидного гостя через полуоткрытую дверь. Вряд ли от него можно чего-нибудь ожидать, тем более материальной поддержки. Но уже через полчаса беседы – да какая там беседа, просто театр одного актёра! – Гриня к нему резко переменялся.

Доктор Карелин буквально гипнотизировал звуком своего голоса. Именно звуком – не построением речи, не её содержанием, а конкретно свойствами голосового аппарата, которые наверняка можно было бы снабдить ярлычками и характеристиками из учебника физики. Кроме тембра, ритма, модуляций, скорости и прочей технико-музыкальной части в его голосе присутствовала волевая энергия. Она доносила не произнесённый, но заложенный в речи смысл, и это было сродни передаче мыслей на расстояние.

Как-то само собой вышло, что Гриня пошёл провожать Валентина Альбертовича до метро, а по пути непостижимым образом всё ему о себе выложил: про надоевшую и брошенную школу, про вечную нехватку денег, про ужас совместной жизни с матерью. И даже про женщин! Вернее, про их отсутствие. Как он мучается, особенно по утрам, просто ему физически не встать с кровати, не пойдёшь же с этим... И как боится и брезгует, и страдает от того, что нищ и непригляден, никому не интересен!

– Женщины – необходимы, спору нет... деньги – не проблема... – комментировал доктор, а Грине слышалось: «Я помогу вам с этим, можете на меня рассчитывать».

Он стал ждать и даже успокоился, смог наконец-то дойти до школы, чтобы получить свой дохленький аттестат, и целую неделю не ссорился с матерью. Навалился и за день сделал генеральную уборку всей квартиры, до половины отмыл окно-фонарь и сразу увидел, что наступила настоящая золотая осень, с пронзительной синевой неба, в прощальном праздничном уборе.

Теперь он часто встречался с Валентином, и если мать ездила в его медицинский центр на Петроградскую сторону, то *Григорию Александровичу* было позволено навещать доктора Карелина дома. Это произошло случайно, они не сговариваясь встретились на выставке картин Сандро. Гриня пришёл туда в надежде застать отца и перехватить у него денежку, проторчал там безрезультатно битый час и уже было направился к выходу, как заметил Валентина Альбертовича под руку с высокой дамой. Смотрелись они комично – дама, которой было далеко за сорок, уцепившись за локоть коротконового спутника, шла скособочено, но гордо. Доктор что-то шепнул ей на ухо, и дама принялась в упор разглядывать Гриню. Они познакомились. Дама оказалась владелицей этого выставочного салона и звали её Генриетта – или просто Грета.

Валентин Альбертович ни за что не захотел отпускать «милого Гриню». Тут же изложил дальнейший план, по которому они втроём должны были немедленно ехать к нему, Валентину, на Каменный остров, где он – как и все его предки, ещё на заре петровских времён! – проживал в старинном особняке. И там, в его холостяцком жилище, они наконец-то смогут без помех поговорить о главном: о Грине и его будущем. Без помех? – подивился Гриня, кося глазом в сторону удалившейся в административное крыло Генриетты. Перехватив недоуменный взгляд, Валентин не замедлил добавить: вот именно.

Оказалось, что у доктора уютный старый мерседес пыльного цвета с чёрным низом и мельхиоровыми деталями. Они мигом доехали до Каменного острова, а там уже медленно – как будто прогуливались где-нибудь за городом – пошуршали вдоль узеньких дорожек, пока, минуя несколько мостиков разной степени обветшания, не подъехали к особняку, который оказался старым деревянным домом, скрытый деревьями в глубине двора. Было и резное крыльцо, и фонарь, но остального Гриня в темноте не разглядел, они уже входили в обширную для такого

скромного жилища прихожую, и хозяин, препоручив гостя Генриетте, отправился хлопотать по хозяйственной части.

Потом появились всякие вкусности и напитки, из которых доктор позволял себе только минеральную воду, Грине налил сухого вина, а Греточке – чего её душа пожелает, то есть коньяка, виски и тягучего жёлтого ликёра, название которого дама произносила в нос: Бо-о-олс⁵.

Несмотря на слабое вино, Гриня довольно быстро захмелел. Генриетту же, похоже, крепкие напитки не брали совсем, она лишь всё более оживлялась, похохатывала и поминутно вскакивала якобы за чем-то очень ей нужным. Туфли она зашвырнула под диван и при каждом движении демонстративно приподымала юбку, как будто она ей мешала.

А она ей мешает, – подумал Гриня и быстрым движением дёрнул сзади за молнию. Но ничего не произошло, юбка плотно сидела на широких бёдрах. Идиот! – мысленно обругал себя Гриня, – у девчонок всё держится на застёжках и ремешках, нашёл что вспомнить!

Но, похоже, его порыв встретил одобрение. Как бы изнемогая от смеха, Грета навалилась на него, трубя в ухо: «Гриня! Малыш!». Валентин Альбертович на миг скромно опустил глаза, не скрывая, впрочем, лукавой усмешки, но тут же в упор взглянул на Гриню, и тот прочёл: вот именно.

Куда подевался Валентин? Сколько прошло времени? Гриня понимал только, что ещё ночь и они с Гретой в комнате одни. Правда, она не в счёт, спит себе на пушистом ковре, уткнувшись в плюшевую подушку, которых в комнате уйма. Гриня, видимо, и сам задремал, потому что ему снилось море, вода была такой прозрачной, что он видел камни на дне и чувствовал невесомость своего узкого тела, ныряя за красивой раковиной. Он и сейчас ощущал эту лёгкость и сначала нахмурился, а потом прошептал: «Так вот оно что...».

Ну, хорошо, а дальше? Разве об этом он мечтал? Разве по этому поводу Валентин Альбертович сказал «вот именно»? Захотелось немедленно сбежать, а потом на досуге всё обмозговать. Гриня уже начал прикидывать, как через пешеходный мост попадёт на Песочную набережную и напрямик завалится к отцу, но Генриетта вдруг резко села и хриплым шёпотом произнесла: «Ты куда, малыш?». И тут он увидел её по-детски сонное лицо, белеющее в свете луны, трогательно беззащитную шею, пальцы, сжимающие на груди края кофточки.

– Не уходи, куда ты на ночь глядя, – по-деревенски пропела Грета и, уловив Гринино колебание, метнулась к нему, повалила на диван, мелко-мелко целуя куда попало и стаскивая натянутые было джинсы.

Когда Гриня проснулся, было позднее утро. На столе он сразу увидел записку, но прочесть не спешил. Сперва прошёлся по комнатам и убедился, что в доме никого нет. Потом небрежно раскрыл сложенный вдвое лист, оттуда выпало несколько крупных купюр, и Гриня понял, что в его жизни появилась новая тема. Он вышел в неправдоподобную для города тишину двора и, разметая шагами позолоту осыпавшихся дубовых листьев, довольно скоро оказался на остановке трамвая. И только дома, пряча новые шёлковые банкноты в тайничок старинного, ещё прадедова секретера, вспомнил, что записку так и не прочёл. Но не смутился и не стал звонить Валентину Альбертовичу, вмиг рассудив: сами позвонят.

⁵ Bool's – яичный (англ.)

Ленка-Ленон

Дожив до семнадцати лет, Гриня не приобрёл мужского опыта. Всё, что с ним в этой сфере происходило, смешно было бы и пересказывать: один стыд и неловкость. Тому способствовало и чуткое обоняние: Гриня с детства был настоящим нюхачом с жёстко очерченной границей приятных и противных запахов. Нельзя сказать, что ему не нравилось, как пахнут женщины, просто у него не выработалась связь между запахом и предчувствием наслаждения. Его обонятельные рецепторы не зашифровали ещё в мозговые импульсы тот общий компонент, присущий всем без исключения женским организмам, который осенью гонит лося в погоню за самкой.

Но присутствовала в его отношении к женщинам другая, бесплотная химера, чисто эстетическая. Попадание в категорию «нравится – не нравится» происходило чуть ли не автоматически, по сумме многочисленных параметров, начиная с характеристик внешности и включая походку, звук голоса, мимику, манеру одеваться. И запахи, запахи конечно тоже. Не физиологические, а смешанные, так сказать, *собираательные*. И тогда будто встроенный в тело Грини компьютер, считывая сенсорными датчиками – носом, глазами, ушами, пальцами, – мгновенно и безошибочно выдавал вердикт. Согласно этому вердикту Гриня либо уклонялся от дальнейших контактов, либо впадал в транс восхищения, который женщины неизменно принимали за влюблённость.

Впоследствии Гриня понял практическую бесполезность этого транса. Эстетическое совпадение не вызывало сексуального влечения и не перерастало в настоящую близость. Наоборот – да, бывало. Женщины, которых он беспричинно вожделел, могли совпадать с его вкусами. Эстетика могла повлиять на продолжение связи, но сама по себе погоды не делала.

Так произошло и с Ленон. Впрочем, с ней Гриня был знаком давно, когда она была просто Ленкой, сестрой Лёсика, сводного по отцу брата, к тому же проживала по соседству и ходила в ту же школу, только классом младше. Но в основном Гриня встречал её у Лёсика, брат и сестра были очень близки, носились с какими-то общими тайнами, с вымышленными странами и языками. В тех придуманных краях Ленка превратилась в Ленон и в нормальной жизни на своё настоящее имя отзываться не желала. В каком-то смысле Ленка-Ленон воспринималась Гриней как младшая сестра, хоть и без кровного родства: белобрысая, бесцветная малявка.

Однажды он пробирался вдоль стены своего дома, машинально разглядывая мусор под ногами в надежде раздобыть мелочи, – чего только не выбрасывают из окон и балконов! – и вдруг боковым зрением заметил в просвете между кустами стройные, точёные формы. Женских ног, тут же определилось в сознании, и уже под его пристальным взглядом очертились тонкие лодыжки, загорелая упругость капрона, каблук рюмочкой модных туфель, и – резко вверх – почти треугольная, высокая шея с пропорциональной, гладко зачёсанной головкой скульптурной лепки.

Он вынырнул из кустов так неожиданно, что Ленон сначала даже вскрикнула, но тут же радостно засмеялась, узнав Гриню. А он продолжал замороженно смотреть и слушать, совсем не признавая Ленку. Вернее, имя Ленон вынырнуло из сознания, но никак не связало это возникшее чудо с той малявкой, названной сестричкой. И даже потом, когда они зашли в кафе-мороженое, и Ленон, кругля глаза, рассказывала ему летнюю историю, в которой фигурировали их общие знакомые, Гриня готов был скорее отказать этим знакомым в существовании, чем признать, что сидящая рядом с ним безупречная, абсолютно новая в его жизни девушка и лопухая Ленка с вечной простудой на губе и обгрызенными ногтями – одно и то же лицо.

Он впал в свой обычный транс восхищения и пребывал в нём всякий раз, когда встречался с Ленон. Она по неведению и природной готовности к чувствам приняла это восхи-

щение за любовь, на которую с жаром ответила, и всё дальнейшее, что происходило между ними, было результатом её любви и его уступчивости. Ведь никакого чувственного влечения он, по обыкновению, к предмету своего восхищения не испытывал, но покорно дал себя затащить на дачу, где круглый год жила глухая и забывчивая Ленкина бабушка. И там, в нетопленной мансарде, от холода зарывшись в грудку одеял, Гриня с горем пополам смог лишить свою подружку невинности. Именно её, Ленку, подругу детства, потому что с безупречно прекрасной девушкой Ленон у него бы ничего не получилось.

Потом было много чего: и хорошего, и ужасно дурного. Но неизменным оставалось одно: при виде Ленон, и даже звуке её голоса в телефонной трубке, Гриня немедленно впадал в транс обожания, но лишь она исчезала – он забывал о ней напрочь. Не выполнял своих обещаний, пропускал свидания, встречался с другими – тут как раз подстатилась Грета – короче, полностью оправдывал русскую поговорку «с глаз долой – из сердца вон».

Ленон страдала, пыталась даже, наевшись таблеток, покончить с собой, но благо купленный с рук феназепам оказался подделкой, и ровно ничего не произошло. Она изменила Грине с толстым старым финном, потом призналась, покаялась и, не встретив с его стороны никакой ревности, бросила подобные эксперименты. Просто ждала, когда Гриня её позовёт, ждала звонков, искала встреч. И каким-то шестым чувством поняв, что первый шаг ей непременно нужно делать самой – он не позовёт, он просто о ней не помнит! – стала звонить и поджидать его у парадной без унижения и страданий. Ленон прекрасно понимала, что Гриня испытывает к ней очень сильное чувство, но дать ему определение затруднялась. Слава богу, это хорошее чувство, думала она, а её любви им хватит на двоих.

Так продолжалось довольно долго, но однажды, когда Ленон дежурила у входных дверей, подъехал чёрный джип, из которого вылез Гриня. Его ладная фигура в чёрной кожанке с множеством заклёпок и карманов, в фирменных потёртых джинсах и остроносых сапожках «казачок» развернулась, освобождаясь от поцелуев и холёных женских рук, и чуть не наткнулась на застывшую, обескураженную Ленон. Но ни смущения, ни досады его лицо не выражало, а только обычное восхищение и радость от встречи. «Это тётя Зоя из Донецка», – сообщил он, когда они остались с Ленон вдвоём. «Так это Ленка, моя сестрёнка», – объяснил он Грете при следующем свидании в ответ на её сдержанно-небрежный вопрос. Обе остались довольны его ответами, а он по обыкновению всё тут же выкинул из головы, забыл и про тётю Зою, и про сестру Ленку, отвечал невпопад, возбуждая своими *неправильными* репликами новые приливы ревности с обеих сторон.

Впрочем, ни та, ни другая не стремились уличать Гриню, отлично понимая, что врать он умеет не хуже, чем дышать, и обязательно, непременно уговорит. Так что нечего терять время, отнимая его от свиданий, и без того редких. Он их быстро приучил: с Гретой – по плану, всё измерив деньгами, а Ленон придерживая на расстоянии постоянной своей занятостью, пока не ощущал сильнейшую потребность её видеть, не довольствуясь уже волшебством голоса в телефонной трубке. Тело же своё он отдавал и той, и другой, позволяя делать с ним, что их душа и воображение пожелают.

Часть 2. ЖАННА

Желтоклювая птичка

Жизнь Грини вошла в равномерное русло. В этом выверенном ритме якобы чистых импровизаций, в этой непредсказуемости лежала жёсткая режиссура Валентина Альбертовича. Именно он отмерял время и деньги в отношениях с Гретой, он устроил и всеми способами удерживал Грину в фармацевтическом техникуме. В какой-то момент доктор Карелин попытался вклиниться в его отношения с Леном, но быстро понял, что на ней держится баланс равновесия, и больше не препятствовал, а порой даже спрашивал: как там поживает наша милая, светлая фея?

И конечно под его управлением Грету заменила Дина, полная, конопатая хохотушка с небезопасными фантазиями, за которые Гриня немедленно потребовал двойной таксы, тут же её получил и по облегчённой улыбке на лице Валентина понял, что запросил мало, но не посмел настаивать на большем. Там видно будет, решил Гриня, но в дальнейшем всегда предупреждал Валентина о свиданиях с Диной, как бы подчёркивая этим, что идёт на опасное задание. И хотя он нашёл способ ограждать себя от особо рискованных фантазий рыжей бестии – просто в какой-то момент прятал всё спиртное, – очередную прибавку всё же потребовал, показав Валентину – после одного особо страстного свидания – заметный след странгуляционной борозды⁶ в вырезе рубашки.

Гриня был лекарством сумасшедших пациенток доктора и, судя по тому что Грета не нуждалась более в его услугах, – лекарством действенным. Он не посмел спросить Валентина Альбертовича об её судьбе, хотя то, как легко, без прощаний и объяснений Грета исчезла из его жизни, немного задело. Всё же в её отношении было много материнского и в то же время – наивного, детского. В общем, он слегка о ней грустил.

Впрочем, скучать ему было некогда. Дина обожала отрываться за границей, и Грине приходилось её сопровождать. Сокурсники ему завидовали: из-за бугра не вылезает, столько всего повидал, приоделся, денег срубил. Знали бы они, что кроме отеля и сомнительных местечек, которые его подруга находила, видимо, по нюху, да ещё полицейских участков, откуда её вызволяли через дипмиссию, ничего он толком не видел. Ему приходилось работать на всех фронтах и помимо своих прямых обязанностей становиться то сиделкой, то братишкой, то охранником.

Такая нагрузка и буйные страсти подопечной его вымотали, так что и деньги стали не милы. Мать привычно ворчала, Леном плакала в трубку, а занятия в техникуме были совершенно заброшены. Гриня давно не навещал Нулю, не устраивал культурных вылазок и даже по телефону общался с ней редко.

Он сильно похудел и совсем было решил уйти в отказ, как Валентин сам вызвал его на беседу в свой холостяцкий дом на Каменном острове. Явившись туда с небольшим опозданием, он застал доктора в компании с кем-то, сидящим возле окна спиной к дверям. Незнакомец не обернулся и не поздоровался, и всё время, пока Валентин обсуждал с Гриней учёбу, здоровье матери, состояние Дины – она в клинике, мой друг, пробудет не меньше месяца – сидел, не шелохнувшись. В ответ на немой вопрос Грини доктор подошёл к неподвижной фигуре, положил руку на плечо и тихо сказал: «Жанна». Фигура медленно повернула голову,

⁶ странгуляционная борозда – след от сдавливания шеи петлёй.

и Гриня увидел маленького Будду, но в тот же миг понял: нет, это девушка, невысокая худенькая девушка, по виду китаянка.

Она была в чёрном, и это сочетание тёмной одежды, иссиня-чёрных глаз и волос с золотисто-оливковой кожей вызвало в памяти целый сгусток ассоциаций: мускусный запах благовоний, пощёлкивание чёток, бесконечный напев «харе Кришна, харе Кришна...». Детские странствия, звуки барабана, пение мантр, пряная пища, сон вповалку в тесной и холодной комнате благотворительного фонда – всё это всколыхнулось в сознании, тоненько запело в груди и остановилось, ткнув горячим пальцем в лоб, где у Грини был когда-то нарисован красной глиной знак вечности. И он непроизвольно наклонил голову, подпирая подбородок сложенными ладошками.

– Вот и славно, вот и подружился, – шмелём загудел Валентин, подталкивая Жанну к Грине. Она сделала два шага и взглянула на него, но пустота была в её взгляде, и Гриня провалился в эту пустоту, успев лишь произнести: «Очень...». Он слышал, как Валентин Альбертович своим особым голосом выстраивает фразы, и понимал, что есть кто-то ещё, что за ними наблюдают и к этим наблюдателям обращена речь доктора. Про время, которое лечит, силу новых впечатлений, родство душ, харизму... Жанна безучастно смотрела перед собой и только пальцы, большой и указательный, сомкнутые подушечками, являя контур капли – знака покоя – намекали на присутствие человеческой мысли.

А потом Валентин, провожая его до двери, шептал отрывисто: «Наркотики... суицид... полная апатия после лечения... отец будет без меры, без меры признателен...». Гриня плохо понимал, чего от него хотят, он лишь чувствовал подступивший к сердцу металлический холод и невыносимый кипятик внизу живота. Похоже, он сам нуждался в помощи.

Ночь принесла томительное сновидение. Он ловил сачком гигантских бабочек, бестолково бьющих крыльями под потолком. Бабочки снились часто: память вытаскивала детское увлечение – ему снились баночки с ватными подушечками, на которых лежали усыпленные ацетонными парами крылатые красавицы. На сей раз экспонаты коллекции, с воткнутыми в спину булавками, летали и ползали вокруг него, задевая лицо трепещущими крыльями. Они вновь были живы, и во сне Гриня радовался, что никого не умертвил.

Но уже на следующее утро он спокойно и в меру заинтересованно обсуждал с Валентином условия новой работы. Контрольные среда и суббота, с семнадцати до двадцати трёх. Возможен один дополнительный вызов, но не каждую неделю. Такса стандартная. При наличии прогресса – вполовину больше. Конечный результат? Ну, об этом рано, пока лишь бы с места сдвинуть. Попутно Валентин обрисовал проблему: спит только под сильным снотворным, ест мало, ни с кем не разговаривает, ни на что не реагирует, хотя обследования подтверждают нормальное функционирование всех органов.

– Она отключила себя от внешнего мира, она закрыла сознание – вздыхал Валентин. – Попробуй в него проникнуть.

Гриня положил трубку и шумно выдохнул. В течение всего разговора он почти не дышал, страхась обнаружить свою заинтересованность, спросить и сказать что-то невольно или даже запеть. Если бы ему никто не платил, а только лишь позволили – ну, хотя бы в среду и субботу, с семнадцати до двадцати трёх и, конечно, с дополнительным вызовом, желательно каждую неделю...

Но ведь тогда им с Жанной не на что будет жить.

То, что конечной целью, неизвестной пока Валентину, но зато прекрасно известной самому Грине, является постоянное, до самой смерти, пребывание вместе с ней, рядом... Заботиться? Безусловно! Жениться? Конечно! Уехать? Куда угодно! Лишь бы держать в руках эти маленькие ладошки с коротко стриженными ноготками, прижимать к груди это бестелесное существо, вливая в него силу, желания.

И никаких сомнений, что вдруг она его не примет, не откликнется: ведь она *уже* его приняла, ведь он окунулся в неё сквозь пустоту неподвижного взгляда. Он *там*, неужели они не видят, неужели не понимают? А здесь, в мастерской с провальным окном, здесь его уже нет, только оболочка, только видимость. Путаясь как дошкольник, принялся вычислять, когда же наступят эти среда или пятница. И оказалось, что завтра. Уже завтра?! Ещё только завтра?! А что же делать сегодня? Как дожить до завтра, до семнадцати ноль-ноль?

Гриня взял карту и принялся изучать маршрут. Он решил обойтись без такси, поехать на трамвае или даже пойти пешком, представлять по дороге тоненькую фигурку, чёрный ёжик волос, глаза-маслины, татуировку под ухом в виде морского конька, маленькую ножку в каких-то детских, с рантом, туфельках. Он почему-то был уверен, что Жанна будет дома одна, что им никто не помешает. Что на этот раз ему не придётся – как это бывало – поглядывать на часы, ждать, когда будет позволено уйти, делать вид, что только что спохватился, что не ожидал... Гриня представлял, что ему разрешат остаться, совсем остаться. Ну, не в первый раз, но потом, позже...

Золотая невеста

Дом Жанны Лилонга находился на набережной канала Грибоедова. И то, что это тот самый дом, где проживала Сонечка Мармеладова – да, он уже посмотрел в справочниках, уже сверился! – придавало встрече мистическое значение. Ожидание романа со счастливым концом. Но ведь не у Достоевского же! И Гриня вдруг пожалел, что навёл справки. Пусть будет своё, без всяких предысторий и совпадений!

Валентин что-то рассказывал про семью Лилонга, но Гриня ничего толком не запомнил. В голове крутилось: вход с набережной, последний этаж, внизу консьерж. Вот и хорошо, пусть проводит. Так разве он боится, что его не примут? Разве не смеет запросто войти и сказать: «Привет, Жанна! Ты ждала, и я пришёл». И тут же понял: да, боится, да, не смеет, – и сразу покрылся липким потом и одновременно застучал зубами.

До самого вечера Гриня маятником курсировал из угла в угол, то и дело порываясь сделать шаг в проём окна, на какое-то время потеряв вдруг ориентиры в пространстве. Он как будто заболел, лежал всю ночь в лихорадке, стучал зубами о край стакана с водой, который ему подносила Ленон – и как она здесь оказалась? – так что заботы о том, как дожить до семнадцати ноль-ноль завтрашнего дня, уже не существовало. Просто – как дожить...

Гриня проснулся с тяжёлой головой, но без температуры и озноба. В квартире никого не было, и он уже стал сомневаться в ночном присутствии Ленон, но она появилась, открыв дверь ключом, с пакетами в руках и острым запахом мороза. Заговорила нарочито радостным голосом, подбегала то лоб потрогать, то чмокнуть в щёку, попутно ныряя на кухню, где тут же зашкворчало вкусным. А Гриня, притаившись, обдумывал план побега – так, чтобы без слов и лишнего вранья. Ему нужны были силы для другого. Больше всего хотелось сделаться на время невидимым, но серьёзность, с которой он принялся рассматривать этот вариант, напугала его.

Он попытался встать и с облегчением убедился, что тело ему послушно, а голова почти не болит. Ленон с кем-то оживлённо разговаривала по телефону, и Гриня тенью проскользнул в прихожую, накинул куртку, попутно зацепив кроссовки, неслышно открыл и затворил дверь и в тапках побежал вниз по лестнице. На ходу он похлопал по внутреннему карману и, убедившись, что бумажник на месте, прибавил скорость. Завернув за угол, закинул тапки в кусты и надел кроссовки. Время поджимало, ни о каких трамваях не могло быть и речи, так что пришлось тормозить тачку.

Ровно в три Гриня стоял перед дверью парадной и жал на кнопку домофона. А потом долгих две минуты поднимался с невозмутимым, пожилым консьержем на четвёртый этаж по мраморной лестнице с дубовыми перилами, чугунными резными решётками и желтоватыми, вытертыми посередине ступенями. Дверь в квартиру оказалась не запертой, консьерж, сделав значительное и чуть скорбное лицо, впустил Гриню и тут же удалился.

Гриня оказался в большом светлом холле неправильной формы, одна стена которого была занята широким окном, выходившем во двор. Остальные стены были заставлены высокими шкафами, плетёными диванчиками и столиками с цветущими растениями. К нему вышла пожилая, низенькая китайка и, поклонившись, жестом позвала за собой. После светлого холла коридор показался мрачным, и Гриня не сразу понял, куда исчезла женщина. Видимо, в приотворённую дверь, подумалось ему, и он тоже туда зашёл.

Комната, в которой он очутился, была также плохо освещена и, на первый взгляд, пуста, по крайней мере, китайки в ней не было. Да и никого другого, и Гриня уже было хотел выйти, решив, что упустил свою провожатую, но тут заметил знакомую фигурку в большом мягком кресле.

– Жанна, – тихонько позвал он, но ответа не получил и подошёл ближе.

Это была она, только вместо чёрной одежды на девушке было длинное золотое платье с ассиметричной застёжкой из пуговиц-бусинок, балетного вида тапочки с лентами, а на голове маленькая шапочка из белых перьев. На шее под ухом – татуировка «морской конёк». Безвольные, с вывернутыми ладонями руки лежали на коленях, и одну петлёй охватывал веер, а другую – каскад тонких золотых браслет. Жанна казалась большой куклой, это подчёркивала пустота выпуклых чёрных глаз, словно из шлифованного агата.

Щемящая отстранённость, которая завороживала его при первой встрече, теперь – облачённая в сусальное золото восточной невесты – выглядела поддельной, искусственной. Как будто древнюю мироточивую икону: попорченную жучком, с осыпавшимися углами и утратами красочного слоя, – вдруг одели в изысканный, с камнями, дорогой оклад.

«И что я в ней нашёл?», – разочарованно подумал Гриня, но тут же напомнил себе о поставленной Валентином задаче, договорённостям, заработке, в конце концов. Он встал на колени и, уткнувшись лбом в скользкий шёлк, поцеловал маленькую ладошку. Какой же холодной была эта ладонь! Как будто её обладательница только что явилась прямо с мороза, и только бледность и вялость кожи убеждали, что это не так.

Он принялся целовать обе ладошки попеременно, зазвенели браслеты, закачался веер, в клетке защёлкала, засвистала до сих пор невидимая птица. Гриня обнял узкие плечи и уже искал глазами какое-нибудь подходящее ложе, как вдруг взглянул в лицо и замер: оно было абсолютно мёртвое. Губы, приоткрывающие два передних, чуть «набекрень» зуба, аккуратные плоские ноздри, брови, разделённые слабой морщинкой, остренький подбородок, – всё было лишено летучей неопределённости, свойственной живой плоти. Лицо Жанны являло окостенелость застывшего организма, ту окончательную форму, которая предшествует процессу распада.

Гриня отшатнулся, и худенькое тело боком повалилось в кресло, голова стукнулась о подлокотник, веер соскользнул с руки и глухо упал на ковёр. С металлическим шорохом посыпались браслеты, но Гриня этого уже не слышал. Он выбежал в коридор и помчался к выходу. Но вскоре оказался в большом зале овальной формы с роялем посередине и понял, что ошибся. Бросился обратно и вроде бы миновал ту страшную комнату, но коридор не кончался, а, совершив поворот, снова вывел Гриню в овальный зал. Замкнутый круг, замкнутый круг, лихорадочно соображал он, но, присмотревшись, понял, что это другой зал, поменьше и без рояля.

Равнодушие внезапно охватило Гриню, он не спеша развернулся, вышел в коридор и сразу увидел приоткрытую дверь, а за ней – ведущую вниз лестницу. Она была гораздо уже первой и более тёмной. Чёрный ход, сообразил Гриня и поспешил вниз. Только бы дверь была открыта, только бы никого не встретить, прокручивал он, сбегая по ступеням. А впрочем, это уже не важно, его видели, тоскливо заныло внутри. Но рука нащупала тяжёлую щеколду на двери, Гриня отодвинул её, вышел наружу, спокойно пересёк двор и оказался на улице.

Шёл снег, мела позёмка, но Гриня ничего этого не замечал, механически кружа по забитым транспортом улицам, пробираясь заснеженными, безлюдными переулками, переходя через мосты. Он шагал и шагал, насквозь промок, не чувствовал пальцев ног и вообще ничего не чувствовал, только умом понимал – надо к Валентину. Тот всё разъяснит, поможет.

Когда Гриня подошёл к дому на Каменном острове, стояла ночь. В окнах горел свет, но было тихо, ни звуков, ни шагов. Он позвонил в дверь, потом ещё раз. И только минут через десять в окне кабинета из-за шторы появилось заспанное лицо Валентина Альбертовича, а вскоре послышалось неуверенное стариковское шарканье. Дверь слегка отворилась, в проёме можно было различить блестящий глаз и половину лица с опущенной носогубной складкой.

– Тебе чего? – неприязненно спросил Валентин.

– Тут кое-что случилось, – выдавил из себя Гриня, обескураженный его видом и холодностью.

– Что, до утра подождать не может? – совсем уж с несвойственной ему грубостью буркнул доктор.

– Н-не знаю, – вдруг стал заикаться Гриня, – может, и п-подождёт.

Валентин открыл дверь и втащил Гриню в полутёмную прихожую.

– Ну-ка, снимай всё это...

Пока Гриня стягивал мокрую одежду, Валентин на время исчез и появился с махровым халатом в руках, который едва доставал Грине до колен. В комнате с коврами и диванами на столе валялись огрызки и мятые салфетки, стояли бутылки разной степени опустошённости. Только тут стало понятно, что Валентин сильно пьян и еле держится на ногах. Тем лучше, подумал Гриня, трезвой голове всё происшедшее объяснить невозможно.

Доктор жестом предложил гостю кресло, а сам улёгся на застеленную шкурой волка кушетку и тут же, закрыв глаза, промолвил: «Угощайся... тебе надо... от простуды...». Гриня налил себе полстакана виски и залпом опрокинул. Горячая волна ударила в желудок и разлилась по телу, отодвигая к краям сознания панические мысли. Одновременно напал страшный жор и, припоминая, когда же в последний раз он ел, Гриня принялся за бутерброд. Вспомнил – сутки назад.

Валентин тем временем благополучно задремал и даже стал выделять губами слабые паровозные гудки. Гриня поглядывал на него искоса и недоумевал, как такое невзрачное на вид существо может держать в своей голове, в своих руках десятки человеческих судеб, управляя хаосом больных душ, вовлекая в свою лечебную методу совсем уж посторонних, не профессиональных людей. К примеру, его, Гриню. Ведь доктор буквально затащил его, приспособил, опутал обязательствами. Но ведь и помог, ещё как помог! Если даже оставить в стороне деньги – хотя как их оставишь, когда они вроде универсального ключа – но если даже на миг забыть о них, придётся признать, что вся последняя Гринина жизнь слеплена этими короткопалыми ладошками Валентина.

И Гриня тут же вспомнил страшное: те, другие, холодные ладошки. Господи! Что он тут сидит, жрёт и пьёт, как будто ничего... И он принялся расталкивать Валентина Альбертовича, но тот лишь мотался как куль и храпел уже вепрем. Тогда Гриня приблизился к волосатому, с длинной загнувшейся мочкой уху доктора и внятно произнёс: «Жанна мертва».

Валентин тут же сел, спустил ноги, надел тапочки и только потом спросил абсолютно трезвым, дневным голосом: «Что значит – мертва? Потрудишься выбирать выражения». И тогда Гриня понял, что доктор всё наладит, что бы там ни случилось. Он стал торопливо и подробно пересказывать события, Валентин иногда задавал вопросы, довольно странные. К примеру, он спросил, не помнит ли Гриня, сколько дверей он миновал, пока не вошёл туда, и что за птица была в клетке.

С минуту Валентин Альбертович сидел неподвижно, так что Гриня стал подозревать, не заснул ли он снова, но тут доктор встал с кушетки и направился в кабинет. Он сделал пару звонков, однако суть разговоров осталась непонятной. Отдельные фразы, как и заданные до этого вопросы, всё только усложняли и запутывали. Доктор что-то говорил о питании, по крайней мере, прозвучали слова: протёртое, мусс из шелковицы, острое исключить. Ещё спросил: «И что, этот страж порядка так и не прилёт?».

Наконец, Валентин Альбертович вернулся к столу. Он немедленно налил себе рюмочку Хеннеси, не спеша выпил, закусив долькой мандарина, и только после этого сказал: «Ты всех оставил в недоумении. Они тебя потеряли. Сиделка клянётся, что ты шёл за ней и вдруг как сквозь землю провалился. Консьерж уверяет, что не видел, как ты выходил, и больше всего боится, что его обвинят в халатности. Правда, открытый чёрный ход, в конце концов, обнаружили, но ждут объяснений, которые я должен им представить не позднее завтрашнего... нет, уже сегодняшнего дня».

– Я тоже хотел бы получить объяснения! – запальчиво произнёс Гриня, но тут же сменил тон:

– А что с Жанной? Она... в порядке?

– Жанна не может быть в порядке, ты же знаешь. Но то, что с ней ничего не случилось, это точно. Твой рассказ совершенно неправдоподобен... поэтому я склонен тебе верить. Ведь, по сути, я мало знаю их семью, хотя наблюдал Жанну пять лет. Тогда она сидела на героине, потом её увезли в Штаты лечить по новой прогрессивной методике, а вернули уже такой...

Валентин пожевал губами, выплюнул мандариновую косточку и прибавил своим особенным голосом: «Так говоришь, холодная и твёрдая? Посмотрим...».

Голос

Дела у Василисы постепенно наладились. То ли Валентин помог своим лечением и опекой, то ли в правильную струю попала её «фишка» про успехи эмансипированных женщин – Лиса окончательно воспряла. Лекции и заказные исследования по модной теме находили спрос, и Василису Егоровну пригласили на кафедру родного института. Образовательные центры, которых развелось несметное количество, стремились затащить её тему в свои учебные программы. Но предпочтение Лиса, конечно, отдавала финнам, вернее, не столько финнам, сколько многочисленной аудитории русских домохозяек, выскочивших замуж за «горячих финских парней» и прозябающих в городках и посёлках Суоми на ролях экономок.

И ведь знали они, зачем их финны в жёны берут! Американцы, немцы, израильские евреи, арабы, французы *et cetera*⁷ – женятся на русских из-за их шарма, красоты, естественности, терпения, заботливости, любовной пылкости, доброго нрава. Финнов же в первую очередь – а иногда исключительно – привлекает в русских женщинах их экономность, то есть буквально такой брак рассматривается как подспорье в хозяйстве. Русские жёны не разбалованы ресторанами, готовым питанием, не требуют уборщицы или няни, вполне могут носить подолгу одно и то же пальто, а из простых и недорогих продуктов умудряются стряпать вкуснейшие обеды. Они легко заменяют садовника и дизайнера интерьеров, а при случае сами могут сделать ремонт.

Русские женщины всё это понимали, но надеялись, что спокойное и безбедное существование окупит издержки по изучению языка, скрасит до одури размеренную, на весь ближайший век расписанную жизнь. И пытались её хоть как-то разнообразить. К примеру, сходить на семинар Василисы Батищевой «Четыре урока самостоятельной женщины» или купить – на сэкономленные деньги – её книжку «Я достигла, и ты сможешь». Эх, знали бы их мужья, спокойные, навсегда устроившие свой быт чухонцы, какой дракон вылезает по вечерам из этих книжек на чуждом им языке!..

Василису в Финляндии – кроме естественного выброса адреналина на деловых играх и валютных гонораров – привлекала возможность побыть немного в бытовом комфорте. Гулять по ухоженным паркам, любоваться умело окультуренной природой, ездить по ровным, широким дорогам. Побыть недолго, дня три, не более, чтобы, вернувшись домой, с жаром приняться за очередной женский роман, упакованный под учебное пособие.

Летом ей нравились *training outdoors*⁸ где-нибудь в озёрной Финляндии, хотя бы в Анттоле, прямо в сосновом лесу, на берегу голубого озера Сайма. Зимой она предпочитала Хельсинки, с лабиринтами старых улочек, уютными стильными кафешками, аквапарком и всегда готовым к встрече пожилым профессором с нетипичной для финнов фамилией Крошень. Славный старичок Тойво, всегда такой любезный, всегда такой чистенький в своей милой мансарде, из окон которой видна красная черепичная крыша Собора святого Генриха. Один раз Лиса осталась ночевать, и старичок оказался очень пылким, но впредь она решила ограничиться дружеским общением – терпеть не могла прикосновений старческой плоти.

В то время как Гриня преуспевал в качестве ассистента Валентина Альбертовича, Василиса с успехом гнала свою тему, попутно развлекалась и неплохо зарабатывала. Она даже помолодела, стала стройной и лёгкой, на неё – как раньше, до болезни – оборачивались мужчины, и она вполне довольствовалась этим вниманием, не желая завязывать никаких серьёзных отношений. Жизнь казалась Лисе если не праздником, то добротной классической пьесой, в кото-

⁷ *et cetera* – и так далее (лат.)

⁸ *training outdoors* – обучение на открытом воздухе (англ.)

рой её роль главной героини предполагала участие во всех шести актах с выходом на поклон и охапками цветов.

Впоследствии она не раз вспоминала это время, сначала в отчаянии, что всё безвозвратно прошло, а потом с неуверенностью: да было ли это, не приснилось ли? Потому что сны... проклятые сны... Они продолжали терзать, когда она с трудом и неохотой разлепляла глаза, не создавая, что на дворе: утро или день, и какое вообще время года. Да, это всё с ней тоже произошло. Потом...

А пока вернувшаяся красота и молодость руководили жизненными ритмами, пока записная книжка пополнялась новыми телефонами, а органайзер в мобильнике – конечно, у неё сразу же появился мобильный телефон! – выбрасывал на дисплей ближайшие дела. Но главное, впереди маячило замечательное будущее! У неё было столько планов: глобальных, дерзких – в пору сильному, волевому мужчине. Любимые глаголы: обдумать, решить, организовать, рассчитать, добиться, спланировать – точно вели её к намеченным целям.

И надо же, именно в тот день, когда Гриня так неудачно – да просто чудовищно! – сходил на свидание к Жанне, а потом провёл много часов на улице под снегопадом, добираясь до Валентина, и слёг с сильнейшей простудой, – в тот самый день Василиса почувствовала острую боль в горле. Не лёгкое пощипывание, не болезненный комок при глотании, а резкий, болезненный укол, как будто в гландах застряла ядовитая рыбная кость. Но никакой рыбы Лиса не ела, а лор-врач, мельком взглянув в раскрытый рот, объявил, что у неё ангина и прописал антибиотики.

Так они и валялись по своим постелям – мать и сын, а между ними сновала верная Ленон, моментально простившая Грине и побег, и откровенное враньё. Через три дня Гриня пошёл на поправку, а Лиса потеряла голос. Только сипы и хрип, так что общалась она шёпотом и жестами. И хотя боль поутихла, голос предательски отсутствовал.

Примерно в таком виде её застал Валентин Альбертович, пришедший провести пациентку. И по тому, каким безоблачно-спокойным у него сделалось лицо, Гриня понял, что дела у матери плохи. Валентин сразу позвонил и договорился о консультации на Берёзовой аллее. Как – на Берёзовой?! – испугалась Василиса. «Это единственное, что мы должны исключить, – уверенно и оптимистично ответил Валентин, – остальное – дело техники».

Но исключить не удалось. У Лисы обнаружился рак голосовых связок, ей сделали блестящую, прямо-таки виртуозную операцию, потом начались жуткие курсы химии, потом ей протыкали горло рентгеновскими лучами, но голос так и не вернулся. И хотя прогноз был оптимистичным, хотя опавшие волосы постепенно стали отрастать, выгодно подчёркивая удлинённый, «египетский» затылок, но слабость тела и духа уложила Василису в постель. Прежний недуг – депрессия – овладел ею, и Лиса целыми днями лежала, ко всему безучастная, ничего не ела, вмиг постарела и отошала. Она пристрастилась к этилморфину, который кололи ей после операции, и Валентин – с неременной воспитательной беседой, с заверениями, что всё, это в последний раз – приносил ей лекарство от жизни, в которой Лиса больше не нуждалась.

Проходили недели и месяцы, а она всё лежала на подростковой двухъярусной кровати, не жила, но и не умирала. Плоское тело – в чём душа держится – тем не менее, могло пройти на спичечных ногах до кухни, костяные пальцы ещё были в состоянии отрезать ножом кусочек сыра. Так, изо дня в день, в потёмках и абсолютной тишине – упаси Бог включить телевизор! – тикали настенные часы в квартире, выстроенной когда-то для уютного творческого отшельничества. Редко-редко сюда забредали посетители, да и то лишь по делу. Валентин – принести лекарств, провести коротенькую, успокоительную беседу, Ленон – прибраться и сбегать в магазин, Гриня – лишь чем-нибудь разжиться. Кое-какой голос у Лисы прорезался. Так, не голос, а хрипотца. Только говорить она ни с кем не хотела, а посетителей воспринимала как мучительную неизбежность: принесут, сделают, уйдут и ладно.

Целыми днями и ночами она то впадала в полудрёму, то грезила наяву. Смотрела на изнанке потемневших век целые сериалы, эпопеи, созданные в недрах живучего мозга. Подчас сознание Лисы выпукло прояснялось, и она с грустью сетовала, что ничего, ничегошеньки не сохранилось в памяти от этих просмотров. Временами ей было абсолютно ясно, кто и зачем ей всё это показывает, но потом понимание исчезало. Практической стороны таких явлений она не представляла, просто не могла знать, что это наиболее распространённая форма творческого вдохновения, подсказки вселенского разума.

Иногда она доставала альбомы с фотографиями и окуналась в прошлую, теперь уже невозможную жизнь. Рассматривала снимки годовалой давности, пролистывая, переворачивая страницы невозвратной молодости. Вот она после новогоднего банкета в «Европейской», в искристом платье, с подаренной Тойво шалью на плечах; тут она прошлым летом на террасе озёрного кемпинга, всё с тем же верным Тойво; а вот – в окружении слушателей семинара подписывает свою книгу.

Лиса шёпотом разговаривала с той удачливой, красивой, а главное, здоровой и счастливой женщиной. Только ей, с загадочными глазами цвета переспелой вишни, она могла пожаловаться на изматывающие, неотступные боли, на чёрствость когда-то близких людей, на пустоту и никчёмность оставшейся, изгаженной болезнью жизни.

Она ни в ком не нуждалась и единственное, чего хотела, – заснуть и не проснуться. Сына практически не видела, его лицо временами выступало из мрака занавешенной от мира комнаты, оно двигало губами, но звук не доходил до Василисы – от бесконечных обезболивающих она почти оглохла. Кто-то ещё приходил: вроде Витус с Нулей, после чего с ней случилась буйная истерика, и Ленон пришлось вызывать бригаду из психиатрички. С этого момента Лиса приготовилась умирать, потихоньку откладывая про запас приносимые Валентином лёгкие, как забвение, капсулки.

Но крепкий организм продолжал бороться, Ленон с Нулей, дежуря по очереди, выполняли предписания доктора Карелина, который сам уже не появлялся, занятый сверх меры. Каждый день он собирался её навестить, но как-то не получалось. Если бы Виктор Альбертович всё же выбрался, то наверняка бы удивился, обнаружив весьма энергичную, правда худую и хрипучую Василису, проводящую всё время за компьютером. Лиса творила. Ей теперь удавалось запоминать приснившиеся сюжеты, и, стуча одним пальцем по клавиатуре, облекать образы и звуки в строки прозы или поэзии – в зависимости от состояния души.

И ничего-то её больше не интересовало, только бы успеть записать, только бы не упустить деталей, которые уж точно не были ни подсмотрены, ни заимствованы у других, а принадлежали лишь её воображению, создавая своеобразный, узнаваемый стиль сочинений. Окунаясь в блаженный омут словотворчества, Лиса теряла счёт времени и вообще не понимала ничего из окружающего мира. Её вытаскивали в неинтересную, нудную, совершенно чуждую ей действительность только настойчивые призывы желудка да Нулечка или Ленон.

Здоровье Василисы стало понемногу налаживаться, но вставал вопрос – где брать деньги на жизнь? Что-то она получала в виде авторских за прошлые публикации, инвалидную мелочь подбрасывал собес, но этого не хватало. И тут ей помог бывший пациент доктора Карелина, литератор. Хотя звали его Александром Сергеевичем, писал он сущую ерунду, называя свои опусы минимализмом. С тематикой определиться было трудно: сплошной винегрет, байки вперемишку с баснями. При этом умудрялся печататься в литературных журналах и получал к тому же помощь от благотворительных фондов. Он пристроил два рассказа Василисы в калмыцкий журнал «Рассвет в степи», потом научил правильно составлять документы для получения грантов, да сам с этими документами и бегал. Александр Сергеевич гордился своим покровительством, но, благо, жил одними писательскими интересами, ухаживанием не документал.

Правда, существовал один неприкосновенный запас, о котором Лиса никогда не вспоминала. В старой, но крепкой деревянной шкатулке с живописным морским пейзажем на крышке – под Айвазовского – завёрнутые в скользкий шёлк, хранились фамильные драгоценности. Они появились у Лисы после смерти матери, Степаниды Андреевны, и лежали в тайничке бывшей детской. А до этого – в селении Прудок, под Гомелем, откуда мать была родом.

Среди прочих перстней и колец, почерневших от времени серёжек, – выделялся массивный перстень с чеканкой в виде шестиконечной звезды и полумесяца. Он имел давнюю и маловероятную историю, связанную с гетманом Мазепой. Перстень лежал в отдельной сафьяновой коробочке с выдавленной на крышке монограммой из переплетённых змеями букв «ІМ».

Как он попал в их семью, Василиса не запомнила. Что-то такое мерещилось из ранних детских воспоминаний, когда ещё бабушка изредка навещала родной Прудок, «дорогие могилки» и, возвращаясь домой, каждый раз «починала згадувати про дівчину, яку забрали⁹», но мать всегда резко обрывала, метнув бровями на Васянку.

Эти богатства Лиса, а до этого её мать и бабушка, бережно, некорыстно хранили, не позволяя себе даже доставать их без надобности, не то что носить. Мысль, что украшения имеют какую-то цену, возможно немалую, вообще опускалась. Ведь если имеют цену, значит, могут быть проданы. А вот этого в их семье случиться не должно. Потому-то Василиса ни разу не вспомнила про шкатулку, когда рассматривала способы раздобыть денег. Лишь сетовала, что её дети вряд ли сохранят семейные реликвии, и успокаивала себя тем, что ей тогда будет уже всё равно.

⁹ – починала згадувати про дівчину, яку забрали – начинала вспоминать про девочку, которую забрали (укр.)

Новая встреча

Весна пришла такая грустная, такая неуверенная в себе, идущая зиме на уступки, особенно по ночам, когда морозы с новой силой наваливались на спящий город, превращая лужи в коварно подстроенные катки. Люди падали, ломались, лежали по коридорам больниц. Переобутые в летнюю резину авто скользили и бились, количество «скорых» на улицах резко выросло.

Гриня пребывал в угнетённом состоянии. И хотя Валентин продолжал подбрасывать ему работёнку, но клиентки были одна ужаснее другой, так что он уже подумывал оставить доктора. В конце концов, эскортные услуги предлагались множеством турагентств, правда, оплачивались они не так щедро, зато шансов ублажать выживших из ума старух было гораздо меньше. Единственное, что его останавливало от разрыва с Валентином Альбертовичем, был страх перед «кидаловом» и гнусными болезнями. Ну, и ещё, пожалуй, надежда, что всё, в конце концов, разъяснится с Жанной. Хотя эта надежда становилась всё более и более эфемерной.

Все попытки доктора Карелина разобраться, что же на самом деле произошло, окончились ничем, поскольку в его врачебных услугах перестали нуждаться, равно как и в услугах самого Грини. Валентин Альбертович недоумевал по этому поводу, неоднократно звонил отцу Жанны, профессору Виктору Генриховичу Лилонга, но получал уклончивые ответы и, в конце концов, вынужден был вовсе оставить свои попытки – они выглядели навязчивыми. Когда же Гриня возобновлял разговор о Жанне, повторяя, что видел её мёртвой, что родственники скрывают этот факт, иначе почему вдруг отказали доктору, – Валентин становился сух и раздражителен, либо едко высмеивал *нелепые выдумки*.

Гриня понял, что доктор уже не верит в правдивость его рассказа и полагает, что с ним в доме профессора произошёл какой-то позорный казус, о котором неудобно говорить. Жалкая, отвратительная клиентура, которую поставлял ему Валентин, подтверждала опасения. «Он бы выгнал меня, но из-за матери терпит и ждёт, не уйду ли я сам», – догадывался Гриня.

Мать вызывала у него только раздражение – он старался поменьше бывать дома. Несколько раз ночевал у Витуса и Нули в Металлострое, ходил с ними на рыбалку, помогал наладить компьютер. Но под конец устал отвечать на одни и те же вопросы о состоянии матери, выслушивать советы, читать в глазах упрёки: что ты, мол, здесь делаешь, когда в тебе так нуждаются...

Единственным надёжным прибежищем была Ленон. Гриня воспринимал её теперь как сестру, напрочь забыв, что между ними что-то было. И Ленон покорились, приняла эту роль и уже не позволяла себе тех особенных прикосновений и взглядов, которые даже совершенно постороннему наблюдателю выдают характер отношений двух людей. Где-то глубоко в сознании теплилась надежда, что, может быть, потом, когда всё так или иначе наладится, ей удастся вернуть прежнюю, пусть и редкую, но обжигающую близость. Отдавшись жертвенным чувствам, Ленон совсем позабыла, как она страдала, мучилась ревностью, ловила ускользающего Гриню и всегда упускала. Эта весна стала для Ленон самой счастливой порой её жизни. Гриня был с ней, он нуждался в ней, а что ещё надо?

Теперь, когда Ленон – единственная из всех – не предъявляла ему никаких, пусть даже не высказанных, обвинений в чёрствости и эгоизме, Гриня готов был проводить с ней всё свободное время. Они вдвоём подолгу гуляли, он никуда не спешил, неизменно провожал до самой квартиры, где она жила с родителями, братом и бабушкой, а иногда оставался ночевать на диванчике в прихожей. В этом уютном, пропахшем старой дубовой мебелью коридорчике его не мучили тревожные, утомительные в своей навязчивости сны. Он либо оглушено проваливался в тёплую ночную темень, либо, пребывая между сном и явью, летал над заливом,

сопровожаемый прозрачным шлейфом крылатых эльфов, в которых он без труда угадывал детскую коллекцию оживших бабочек.

А утром они пили кофе на кухне у окна, выходящего на фасад гостиницы «Прибалтийская», за которой простирался залив без горизонта. На перила балкона прилетали чайки, терпеливо ждали угощения, поглядывая пуговичными глазами на руки хлопчущей Ленон. Эти утренние часы умиротворяли Гриню, поддерживали в нём силы, создавая иллюзию домашнего уюта.

Однажды – это было в начале лета – они гуляли по набережной лейтенанта Шмидта и зашли в кафе, которое в пору белых ночей работало до утра. Весь день они провели у воды и решили перекусить, а заодно подождать разводки моста, наделать фотографий. На день рождения Ленон получила от родителей фотоаппарат, зарядила его цветной плёнкой и подлавливала моменты.

Они заказали мясо с черносливом в горшочках, по лепёшке с тмином и устроились у окна. Шёл второй час ночи, но на улице было светло – хоть читай. Народ всё прибывал, и Гриня не сразу заметил экзотического вида парочку в дальнем углу. А когда заметил, не мог оторвать от них взгляда. Потому что ему показалось... нет, он был уверен, что спиной к нему, на высоком табурете, рядом с немолодым горбоносом «мексиканцем» сидит Жанна.

Ленон вопросительно поглядывала на Гриню, он тут же нашёлся: мол, внешность у мужика необычная, жаль, что нельзя сфотографировать. Почему нельзя, возразила Ленон, а для чего же тогда сверхчувствительная плёнка, добытая для съёмки белых ночей? И она выскользнула из-за стола, чтобы с выгодной точки, оставаясь в то же время невидимой, сделать кадр. Гриня тоже поднялся и прошёл к бару – заказать кофе, а заодно рассмотреть девушку.

Это была Жанна и в то же время не Жанна. Гриня и видел-то её всего дважды, и оба раза она была как под наркозом. А тут вполне адекватная: потягивает через трубочку коктейль, улыбается. Ленон вновь оказалась рядом, что-то говорила Грине, но до него плохо доходил смысл: снимался в кино... каскадёр на Ленфильме... приглашает в гости...

– Кого приглашает в гости? – очнулся Гриня, сообразив, что речь идёт о спутнике Жанны.

– Меня... нас... – Ленон сбавила тон и неуверенно добавила: «Интересный тип, он там с девушкой».

– Так иди, знакомь, – оживился Гриня, про себя отметив, что пути Господни по-прежнему неисповедимы.

В это время с улицы раздался крик: «Началось!», – и большинство посетителей, прихватив недопитый кофе, ринулось к выходу, так что официанты побежали следом, чтобы получить расчёт.

Зрелище разводящегося моста завораживало, Ленон то и дело щёлкала затвором, а Гриня, выхватив глазами из толпы Жанну и её кавалера, стал пробираться к ним. Воздух заметно посвежел, и «мексиканец» накинул на плечи спутницы свой пиджак. Мужчина был таким высоким, что рядом с ним девушка казалась ребёнком. И чем ближе Гриня подходил, тем яснее понимал, что это несомненно Жанна, что «мексиканец» – её кавалер, и что ему, Грине, здесь ничего не светит. Но всё же надеялся на «вдруг». Вдруг Жанна узнает его, вспомнит? Вдруг «мексиканец» всего лишь приезжий гость, которому Жанна по просьбе родителей показывает город? А даже если и кавалер, что с того? Ведь пригласил, значит, хочет познакомиться, а там видно будет, кто кавалер, а кто старый осёл...

Но пригласили-то не тебя, а Ленон. Вот она уже спешит к ним, с приклеенной улыбкой, которая всегда возникает в случае неуверенности. Да это и понятно – Грине веры никакой, особенно если поблизости появляется хорошенькая женщина. Но сейчас она может быть спокойна: у хорошенькой женщины есть вполне надёжный спутник. Видно, что привык командовать, принимать решения за других, одним словом – лидер. А Жанна, эта тоненькая, смуглая пичужка с припухшими веками, смотрит вопросительно на Гриню. Неужели всё-таки узнала?

Протянуты для приветствия руки, названы имена – Гриня, Ленон, Станіслав, с ударением на и, Жанна... Всё-таки он не ошибся! Обмен неизбежными «очень приятно», и вот вся четвёрка, проследив за разводкой моста, двигается в сторону Стрелки, к Ростральным колоннам. Гриня исподтишка разглядывает «мексиканца», примеряется к нему, и результаты – увы! – не радуют. Ему за пятьдесят, он хорош собой: волосы чёрные, с белыми мазками седины. Отросшая к ночи щетина ещё больше подчёркивает худобу, а стальные глаза кажутся почти белыми на смуглом лице рельефной лепки. Перстни на пальцах массивные – хороши для драки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.